

СКБД НЕЙРОН-БАЗА забяспечвае магчымасць рэдагавання. Гэта аперацыя прадугледжвае ліквідацыю прамежкавых, у прыватнасці рускіх, структур слоўніка, каб яго артыкулы складваліся з балгарскай і беларускай частак. Машына дазваляе карэкціраваць, а таксама паслядоўна праглядваць і рэдагаваць любы артыкул. Неабходнасць такога рэдагавання выклікаецца тым, што механічны пераклад пры дапамозе рускай мовы не заўсёды бывае правільным, напрыклад, слова *безответен* перакладаецца з балгарскай на рускую мову як *безответный*. Апошнія разам з адпаведнікамі *бязмоўны, маўклівы, без адказу* мае беларускі адпаведнік *накорлівы*. Між тым балгарскае слова *безответен* беларускім *накорлівы* не перакладаецца.

Раздрукоўка або вывад на прынтэр гатовага слоўніка ажыццяўляецца аўтаматычна і выключае стварэнне рукапісу паводле апрацаваных артыкулаў.

Прыведзены ўзор рабочай структуры слоўніка не з'яўляецца эталонам: структуру можна пашырыць і дапоўніць у адпаведнасці з патрабаваннямі, якія прад'яўляюцца да слоўніка. Змяненні ў структуру можна ўносіць у працэсе работы, непасрэдна па меры ўзнікнення такой неабходнасці.

Выканаўшы ўсе асноўныя віды работ па складанню рабочага варыянта перакладнога слоўніка, мы пераканаліся ў шматлікіх перавагах выкарыстання ЭВМ для вырашэння такой задачы. Адпадае неабходнасць афармлення і неаднаразовай механічнай сарціроўкі вэлізарнай картатэкі, лягчэйшым і хутчэйшым робіцца працэс рэдагавання, які выключае пераборку ўсёй картатэкі і шматлікія закрэсліванні. Не трэба некалькі разоў перапісваць і перадрукоўваць адны і тыя ж лексемы, таму што з клавіятуры кожнае слова ўводзіцца толькі аднойчы, а гатовы слоўнік аўтаматычна выводзіцца на прынтэр, прычым раздрукоўваецца ў патрэбнай колькасці экзэмпляраў. Акрамя таго, у выніку нескладанай дапрацоўкі можна атрымаць і раздрукаваць беларуска-балгарскі слоўнік, які будзе ўтрымліваць матэрыял, выкарыстаны для стварэння балгарска-беларускага слоўніка.

Т. Н. ВОЛЫНЕЦ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ НА УРОВНЕ ТЕКСТА

Проблема взаимозаменяемости атрибутивных и предикативных форм глагола ставит перед исследователем много интересных вопросов. Один из них — расширение грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных групп при функционировании их на уровне текста.

Проведенный нами анализ¹ возможных трансформационных замен причастий предикативными формами глагола показал следующее: функциональная нагрузка различных причастных форм при непосредственном употреблении их в тексте намного шире заданных им (при образовании от соответствующих глаголов) грамматических (а иногда и семантических) характеристик.

Существующие в языке группы причастий дают различные в качественном и количественном отношении типы трансформационных замен. Так, действительные причастия настоящего и прошедшего времени при синтаксическом развертывании текста (от причастного оборота к прилагательному определению) могут выражать значения следующих предикативных форм:

осваивающий ²	осваивавший
осваивает	осваивал
осваивал	осваивает
будет осваивать	осваивает/освоит
осваивает/осваивал	осваивал/осваивает
осваивает/осваивал бы	осваивает/освоит

осванвал бы	осванвал/освоил
осванвал бы/освоил бы	освоил
осванвал/освоил	осванвал/осванваает/освоит
освоил	осванвались
осванваает/осванваается	осванвал бы
осванвал/осванвался	может осванвать
может осванвать	

Не менее разнообразны наборы предикативных форм глагола и при трансформационных преобразованиях страдательных причастий:

осванваемы́й	освоенный
осванваает	освоил
осванваает/осванваается (в страд. зн.)	освоил/осванваается (в страд. зн.)
осванваает/осванваается (не в страд. зн.)	освоили/осванваают
осванваается (не в страд. зн.)	осванвался (в страд. зн.)
осванвал/осванвался (в страд. зн.)	освоил/осванвал
осванвал	освоил/осванвался (не в страд. зн.)
осванвался (в страд. зн.)	осванвал
можно/нельзя осванвать	осванваает
	освоил/осванвал/осванвался
	можно/нельзя освоить
	можно/нельзя осванвать

Данные ряды языковых единиц образуют своеобразные функциональные системы, в пределах которых осуществляется выбор глагольных форм для замещения причастий в процессе синтаксического развертывания текста. При широком понимании функциональной грамматики, когда описание языковых единиц идет не просто от смысла к форме, а от мыслительной деятельности к обслуживающим ее языковым средствам, эти системы форм могут быть представлены как **функционально-семантические парадигмы**, на уровне которых в процессе коммуникации проявляется расширение семантического и грамматического содержания причастий.

Использование термина «парадигма» в данном случае нам кажется уместным, ибо в широком смысле парадигма — это «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего — совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями»³. Парадигматические отношения, в свою очередь, свойственны любым группировкам, которые, с одной стороны, выделяются в языке по принципу формальной или семантической общности членов, а с другой, — противопоставляются друг другу по одному из этих оснований. Наличие одного из членов парадигматического ряда в тексте исключает присутствие другого, но предполагает их взаимозамену, поэтому обычно парадигматические отношения рассматриваются как проявляющиеся во взаимном включении и взаимозамене⁴.

Любая языковая парадигма (лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая) обладает определенным набором характеристик, совпадающих благодаря изоморфизму явления и не совпадающих из-за объединения единиц разных языковых уровней.

К числу общих характеристик прежде всего относятся: 1) структурная общность (обязательное присутствие стабильной инвариантной части, выражающей идею тождества, и переменных показателей); 2) наличие отношений взаимозамены и взаимовключения; 3) равноправный характер отношений между членами.

Представленные ряды языковых единиц в полной мере обладают всем этим набором признаков. Они состоят из одного постоянного (причастная форма) и ряда переменных членов (формы глаголов), в структуре которых свободно выделяются общие (корень, основа) и дифференцирующие (деривационные и словозменительные аффиксы) части. Благодаря этому постоянные и переменные члены относятся друг к другу как «варианты некоторого инварианта, связанные его тождеством и противопоставленные своими различиями»⁵.

Глагольные формы (переменные члены) группируются вокруг при-

частий (постоянных членов) в силу своей функциональной взаимозаменяемости в различных позициях, но в одной и той же позиции они взаимноисключают друг друга, так как не могут одновременно занимать в потоке речи одно и то же место. Говорящий или пишущий, преобразуя текст, выбирает в ряду закономерно варьирующихся единиц одну из возможных форм.

Структура интересующих нас систем грамматических форм не является иерархичной, все их члены находятся в равноправных отношениях: ни один из них не является доминирующим.

В данном случае мы, видимо, можем говорить об особом типе парадигматических отношений. Назовем его **функционально-семантическим**, ибо возникают такие отношения между формами разных слов в речевой коммуникации, когда для выражения одного и того же содержания используются различные грамматические средства. Функционально-семантические отношения могут быть представлены также как отношения **совместного функционирования**, свойственные рядам грамматических форм, которые существуют в языке не сами по себе, а являются функцией от содержания и отражают асимметрию «средство — функция». Обладая различными характеристиками, данные формы объединяются в функционально-семантическую парадигму на основе общности выполняемых ими семантических функций, поэтому **функционально-семантическая парадигма** (в нашем понимании) **представляет собой систему разнородных грамматических форм, связанных отношениями совместного функционирования**.

Функционально-семантические парадигмы существенно отличаются от морфологических и словообразовательных характером языковых единиц (отдельные грамматические формы) и типом отношений между членами ряда, внутри которого противопоставляются семантические и словоизменяющие отношения одновременно:

осваивающий	—	{	осваивает
			осваивал/освоил
			осваивает/осваивается...

Эти же характеристики позволяют провести грань между функционально-семантическими и синтаксическими парадигмами, хотя в основе выделения тех и других лежит один и тот же признак — возможность функциональных замен при сохранении общей семантики синтаксической конструкции⁶.

Представленные функционально-семантические парадигмы отражают модус функционального наполнения причастной формы в процессе ее функционирования на уровне текста. Они наглядно демонстрируют совокупность всех грамматических и лексических значений, которые могут быть выражены формами различных причастных групп в зависимости от целей и задач коммуникации.

Отношения между членами данных функционально-семантических парадигм мы можем охарактеризовать не только как равноправные отношения совместного функционирования, но и как стандартные / нестандартные.

Стандартными мы считаем те отношения, которые возникают при свободной трансформации причастной формы в семантически и грамматически соотносительную предикативную форму глагола (*бросающий* — *бросает*, *державший* — *держал*, *колышимый (ветром)* — *колышет (ветер)*, *привинутый (братом)* — *привинул (брат)*).

Данилов, восторженно относившийся к прокофьевскому «Огненному ангелу», годы ждал, чтобы решились (В. Орлов. Альтист Данилов). — *Данилов, который восторженно относился к прокофьевскому «Огненному ангелу», годы ждал, чтобы решились*.

Классики выполняют функцию запечатления, требуемую от них будущим (Е. Евтушенко. Талант есть чудо не случайное). — *Классики выполняют функцию запечатления, которую от них требует будущее*.

Нестандартные отношения между членами интересующих нас функционально-семантических парадигм в различной степени отражают разрушение формально-семантической соотносительности между причастиями и образующими их глаголами и свидетельствуют о расширении грамматического (а иногда и семантического) содержания причастных форм. Напр.: *Нет здесь ни одного ребенка, ни одного постоянно живущего здесь человека, потому что каждые пятнадцать дней все население Пионерного заменяется, разъезжается по своим далеким домам* (Огонек. 1988. № 8). — *Нет здесь ни одного ребенка, ни одного человека, который постоянно жил бы (живет) здесь, потому что каждые пятнадцать дней все население Пионерного заменяется, разъезжается по своим далеким домам.*

Слово — духовная жизнь народа, материализованная в звуке, а затем в высвеченном начертании (А. Вознесенский. Мнемозина на метле). — *Слово — духовная жизнь народа, которая материализуется в звуке, а затем в высвеченном начертании.*

На выбор замещающей формы, а следовательно, и на изменение функциональной нагрузки причастных форм, влияет целый ряд факторов, важнейшими из которых являются: а) общая семантика текста; б) характер видо-временных форм глагольных предикатов; в) возможность нейтрализации видового противопоставления; г) характер субъекта действия, определяемого причастием. Специфика данных факторов подробно рассматривалась нами при анализе трансформационных замен страдательных причастий прошедшего времени предикативными формами глагола⁷, поэтому сейчас мы на них подробно останавливаться не будем.

Полифункциональность и расширение грамматического (а иногда и семантического) объема всех существующих в языке причастных групп — явления, на наш взгляд, естественные: они обусловлены, прежде всего, особым положением причастий в языковой системе. Генеративная связь с глаголами, с одной стороны, и функциональная близость с прилагательными, с другой, в процессе коммуникации создают особые условия для внутренних грамматических и семантических изменений причастных форм.

Образуясь от основ соответствующих глаголов (*освежай-(эт) — освежай-ущ(ий), освежа-(л) — освежа-вш(ий), распространяй-(ут) — распространяй-эм(ый), раскида-(л) — раскида-нн(ый)*), получив соответствующие грамматические характеристики (действительные причастия прошедшего и настоящего времени, страдательные причастия прошедшего и настоящего времени) и заимствовав процессуальную семантику образующего глагола, причастия на уровне текста начинают выражать более широкий спектр грамматических и лексических значений. Практически они оказываются тем языковым средством, при помощи которого связываются воедино различные формы однокоренных глаголов с противоположными видовыми и залоговыми значениями:

выбрасывающий — выбрасывать — выбросить
выбрасываться (в страд. зн.)
выбрасываться (не в страд. зн.).

С одной стороны, это можно рассматривать как веский аргумент, подтверждающий существование в языке сложной, так называемой «супплетивной» (термин А. В. Исаченко) парадигмы глагола, объединяющей в себе глагольные формы с противоположными видовыми и залоговыми значениями⁸. Но, с другой стороны, это же обстоятельство может быть не менее веским аргументом в пользу самостоятельности причастий, наличия между причастием и глаголом не словозменительных, а деривационных отношений. Возможность разнообразных трансформационных замен при синтаксическом развертывании текста и отсутствие такого разнообразия при обратных трансформациях (от предикативной формы глагола к причастию)⁹ указывают на функциональную обособленность причастий, их особую роль в ряду языковых средств, используемых в процессе коммуникации.

Рамки статьи не позволяют доказать или опровергнуть первое или второе предположение. На наш взгляд, возникновение разветвленных функционально-семантических парадигм в процессе трансформации причастных форм отражает разрушение формально-семантической близости между причастиями и глаголами. Следствием этого является функциональное расширение грамматического и семантического содержания причастных форм, которое еще раз подтверждает тезис о «коммуникативной мощности» языка.

¹ Трансформации подвергнуто более 3600 примеров, взятых из художественных, публицистических и научно-популярных текстов.

² Здесь и далее выбор причастия произволен.

³ Кубрякова Е. С. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 366.

⁴ Там же.

⁵ Головин Б. Н. // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 76.

⁶ На выявление и определение семантических рядов, которые в настоящее время рассматриваются как синтаксические парадигмы, существенное влияние оказало понятие функциональных замен, широко разрабатывавшееся в женеvской лингвистической школе («транспозиция» у А. Сешез, «функциональная транспозиция» у Ш. Балли, «параллельно транспонированные конструкции», «трансляция» в трудах Л. Теньера). См.: Костинский Ю. М. // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 108.

⁷ Волынец Т. Н. // Русский язык. Мн., 1987. Вып. 7.

⁸ См.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. С. 12; Шуба П. П. Дзеяслоў у беларускай мове. Мн., 1968. С. 160; Daum E., Schenk W. Die russischen Verben. Leipzig, 1966. S. 28.

⁹ Нами проанализировано более 2500 синтаксических конструкций, допускающих замену в процессе синтаксической компрессии текста одной из предикативных форм глагола причастной.

В. Л. ЛЕОНОВИЧ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ *суб-* И *транс-* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Описание типов образований с элементами латинского происхождения *суб-* и *транс-* в современном русском языке предполагает анализ их структурных и семантических характеристик.

С точки зрения структуры лексемы с *суб-* и *транс-* объединяются в различные группы в зависимости от степени морфемной членимости и словообразовательной производности основ.

К первой группе относятся нечленимые, непроеводные слова, выделение компонентов которых возможно лишь в диахронии с помощью этимологического анализа. Данные элементы обнаруживаются в заимствованных и освоенных словах, подвергшихся в русском языке опрощению и утративших членимость. Этому во многом способствовал вид данных частиц, когда в словах обнаруживается не основной вариант морфемы, а ее морфонологические разновидности. Вторую группу составляют членимые слова, где *суб-* и *транс-* употребляются в связанном виде. Основы, их содержащие, могут быть как производными, так и непроеводными. Эти основы, определенным образом членимые в языке-источнике, изменили границы своей членимости в русском языке, хотя и сохранили следы прежней производности. В них вычленение префиксов *суб-* и *транс-* возможно на морфемном уровне, поскольку в этом случае лексемы соотносимы с однокоренными приставочными и беспроставочными словами: (ср.: *трансудат* и *экссудат*; *диффузия* и *трансфузия*; *субстрат*, *адстрат* и *суперстрат*; *эксплантация*, *имплантация* и *трансплантация*; *аффикс*, *префикс*, *суффикс* и *конфикс*). Их объединяет общность значения, заключенного в постпрефиксальной части. Третья группа представлена членимыми и производными словами, где *суб-* и *транс-* выступают в роли префиксов, при помощи которых образованы данные лексические